

УДК 80

**СИНТАКСИС ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)**

Чепарёва Ю.Н.

студент,

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е.

Евсевьева,

Саранск, Россия

Тарасова Т.Э.

студент,

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е.

Евсевьева,

Саранск, Россия

Скороходова А.С.

студент,

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е.

Евсевьева,

Саранск, Россия

Рузманова А.О.

студент,

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е.

Евсевьева,

Саранск, Россия

Аннотация

Ввиду тесной связи синтаксиса и стилистики целью статьи стало рассмотрение синтаксических средств выразительности в художественной литературе. Материалом для исследования были выбраны тексты мастера синтаксиса, писателя, чье творчество отличается особой синтаксической манерой, – Ф. М. Достоевского. Авторами проведено исследование возможностей стилистических фигур как значимых синтаксических средств изобразительности в романе «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: изобразительно-выразительные средства языка, стилистический синтаксис, синтаксические средства выразительности, синтаксис, стилистические фигуры, художественный текст, Ф. М. Достоевский.

SYNTAX OF LITERARY PROSE

F. M. DOSTOYEVSKY (BY THE MATERIAL NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV")

Chepareva Y.N.

student,

*Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev,
Saransk, Russia*

Tarasova T.E.

student,

*Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev,
Saransk, Russia*

Skorokhodova A.S.

student,

*Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev,
Saransk, Russia*

Ruzmanova A.O.

student,

Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev,

Saransk, Russia

Annotation

In view of the close relationship between syntax and stylistics, the purpose of the article was to consider the syntactic means of expression in fiction. The texts of the master of syntax, a writer whose work is distinguished by a special syntactic manner, F. M. Dostoevsky, were chosen as the material for the study. The authors conducted a study of the possibilities of stylistic figures as significant syntactic means of representation in the novel *The Brothers Karamazov*.

Key words: figurative and expressive means of language, stylistic syntax, syntactic means of expressiveness, syntax, stylistic figures, artistic text, F. M. Dostoevsky.

Художественный стиль – это один из сложнейших стилей русского языка, в основном, за счет синтеза с другими стилями, а также за счет возможности использования в его контексте множества средств языковой выразительности. Он позволяет не придерживаться строгой нормы, отходить от принятых правил и канонов, ради исполнения авторских целей и замыслов.

Данный стиль обогащался и развивался путем заимствования из других стилей разных языковых фактов и приемов, которые органично вписались в него. Он характеризуется несколькими важными составляющими: образностью, которая формируется разнообразными языковыми средствами, влияет на чувственное восприятие действительности, а также способствует созданию желаемого эффекта и определенной реакции на сказанное; эмоциональной окраской высказывания, которая зависит от характера и жанра произведения, индивидуально-творческой манеры автора, содержания и целей произведения и

др.; особыми формами связи между компонентами высказывания: это и присоединение, и бессоюзие, и многосоюзие и т. д.

Нельзя не согласиться с суждением известного исследователя Р. Омана о том, что «синтаксис определяет стиль» [8, с. 93]. С этой позиции, то есть при условии рассмотрения синтаксиса как ведущего образующего начала речевого произведения, особенно ярко просматривается значимость синтаксиса по отношению к тому или иному типу высказывания.

Рассматривать средства словесной образности, в частности, стилистические фигуры речи только в качестве украшения ошибочно, хотя это и является их главной функцией. Данные фигуры весьма разнообразны в творчестве писателя, в связи с чем и вызывают к себе огромный интерес многих исследователей языка [2; 6; 7 и др.], этим и определяется актуальность данной статьи.

Принимая во внимание точку зрения Н. Ф. Пелевиной, отметим видимое превосходство синтаксиса с его широкими экспрессивными возможностями над остальными разделами лингвистики. Даже морфология уступает синтаксису, так как он имеет непосредственную связь с мыслью, а значит наличествует огромным запасом выразительных средств [6, с. 44].

Отдельно следует остановиться на таком понятии как стилистический синтаксис, который занимается исследованием стилистических классификаций, стилистического функционала синтаксических явлений, выявляет стилистическую ценность синтаксических форм и устанавливает принадлежность названных явлений к конкретному подстилю, подязыку [1, с. 111].

По мнению М. Н. Кожиной, важной функцией большинства синтаксических стилистических приемов выступает выдвижение на первый план специальной единицы высказывания из-за ее специфического расположения внутри высказывания. Классификация и подробное изучение стилистических фигур на основе их систематизации в соответствии с Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

представленных в них нормированными отклонениями имеют своей целью более глубокое осмысление функционирования синтаксических стилистических средств языка и осмысления их сути вообще [4, с. 155].

Совершенно точно, что речевой строй художественного текста имеет непосредственную связь с выражением чувства и мысли. К тому же, кроме синтаксических характеристик и приемов, существуют и индивидуальные синтаксические особенности; они выполняют определенные задачи в соответствии с замыслом автора, становятся отличительными признаками его неповторимого стиля [5, с. 77].

Как необходимая организующая часть структуры художественного произведения синтаксис значительно различается в творчестве многих поэтов и писателей. Абсолютно точно можно заключить, что одним из примеров своеобразного, а главное – неповторимого синтаксиса является художественное пространство произведений Ф. М. Достоевского.

Ф. М. Достоевский, как и любой художник слова, умел не только услышать, но и донести до художественно-творческого сознания новые глубины и нераскрытые стороны слова, которые весьма приглушенно и слабо использовались другими художниками до него. Писателю важны самые разные выразительные и изобразительные функции слова, которые он активно анализирует в контексте своих произведений.

Одно из программных произведений автора – роман «Братья Карамазовы» (1880) [3]. В этом творении сосредоточилось большое множество интересных примеров мастерского употребления стилистических фигур русского языка.

Так, например, в романе достаточно частотны случаи риторических вставок, например, **риторических вопросов**: *«Разве она может, сравнив нас обоих, любить такого, как я, да еще после всего того, что здесь произошло?»* [3]. Вопросы такого типа несут истину, утверждение, доказывать которые нет нужды. Писатель пользуется данным стилистическим приемом с целью сделать

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

речь героя более выразительной и эмоциональной, а в некоторых моментах даже интригующей. В указанном примере автору посредством использования вопросительной частицы разве удастся придать высказыванию оттенок уверенности, а также в значительной степени усилить отрицание.

Другие частицы тоже акцентируют уверенность в риторических конструкциях: «*Может ли русский мужик против образованного человека чувство иметь?*» [3]. Ключевой здесь является частица *ли*, имеющая значение неуверенности при обычном вопросе, а в контексте риторического выражающая уверенное утверждение.

Весьма многочисленную группу в тексте произведения составляют конструкции **риторических вопросов-отрицаний**, где сосредоточились «вопросительные компоненты (местоимения, наречия)», которые, в свою очередь, «трансформируются в отрицательные слова» [7, с. 121]. Здесь образуются соотносительные пары типа «*кто – никто не*», «*когда – никогда не*», «*где – нигде не*» и др. Ср.: «– *О, как вы говорите, какие смелые и высшие слова, – вскричала мамаша. – Вы скажете и как будто пронзите. А между тем счастье, счастье – где оно? Кто может сказать про себя, что он счастлив?*» [3].

Чуть реже на страницах романа можно встретить примеры **риторических восклицаний**: «*Прости меня. Нет, лучше не прощай: легче и мне и тебе!*» [3]. Такой прием делает предложение эмоционально-окрашенным, придает ему восклицательную интонацию, а также передает самый пик, кульминацию чувств героя или автора. «–*Зачем живет такой человек!* – глухо прорычал Дмитрий Федорович, почти уже в исступлении от гнева, как-то чрезвычайно приподняв плечи и почти от того сгорбившись, – нет, скажите мне, можно ли еще позволить ему бесчестить собою землю, – оглядел он всех, указывая на старика рукой» [3], – такое восклицание Мити показывает его негодование по поводу смерти отца, являет собой накал страстей и чувств, кипящих в душе молодого человека. В «Речи у камня» Коля выражает истинные чувства

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМ И Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

страдания из-за потери брата именно за счет риторических восклицаний: «– **Итак, он погибнет невинною жертвой за правду!** – воскликнул Коля» [3].

Повторы как важная стилистическая фигура выполняют разные функции в романе. Например, применение **амплификации** помогает автору композиционно более удачно выстроить компоненты в предложении. Под амплификацией в науке о языке понимают фигуру речи, состоящую в повторении отдельных слов или речевых конструкций. Например: «*Может быть, мы станем **даже** злыми потом, **даже** пред дурным поступком устоять будем не в силах, над слезами человеческими будем смеяться **и над теми** людьми, которые говорят; вот как давеча Коля воскликнул: «Хочу пострадать за всех людей», – **и над этими** людьми, может быть, злобно издеваться будем»* [3], – намеренно повторяется частица *даже*, добавленная автором в текст произведения для усилительного эффекта; к тому же, писатель дублирует сочетание союза, предлога и указательного местоимения с целью повышения восприятия, создания некоего нарастания значимости компонентов и т. п. «*Ну, а кто нас соединил в этом добром хорошем чувстве, об котором мы теперь всегда, всю жизнь **вспоминать** будем и **вспоминать** намерены, кто как не Илюшечка, добрый **мальчик**, милый **мальчик**, дорогой для нас **мальчик** на веки веков!»* [3]. В данном случае этот осознанный повтор сказуемых и подлежащих отвечает замыслу автора, по которому необходимо сделать акцент на образе героя и действии *вспоминать*.

Придать тексту особую помогает прием **полисиндетона (многосоюзиe)**, которым автор умело пользуется на протяжении всего повествования: «– Будем помнить **и** лицо его, **и** платье его, **и** бедненькие сапожки его, **и** гробик его, **и** несчастного грешного отца его, **и** о том, как он смело один восстал на весь класс за него!» [8]. Данную стилистическую фигуру называют «фигурой прибавления», ведь она состоит в многократном повторе союзов в высказывании. Такие союзы обычно связывают однородные элементы синтаксической единицы и являются средством усиления выразительности

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМ И Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

высказывания. Действительно, последняя часть произведения является очень эмоциональной и значимой в контексте всего романа, поэтому автор хочет добавить речи самые разные оттенки торжественности и плавности за счет усилительно-выразительной функции данного приема.

Как в лирических, так и в прозаических текстах довольно часто встречается прием **синтаксического параллелизма**. Такие конструкции отличаются схожим построением компонентов, стоящих в одинаковой последовательности: *«Тут напомнили ему, что надо покрошить корочку, и он ужасно заволновался, выхватил корку и начал щипать ее, разбрасывая по могилке кусочки: **«Вот и прилетайте, птички, вот и прилетайте, воробушки!»** – бормотал он озабоченно»* [8]. Речи Коли данный прием повышает эмоциональное воздействие на читателя, является источником образности и мелодичности.

Интересная фигура, которую Ф. М. Достоевский включает в ткань произведения – это **анаколуф**. Такой прием заключается в заведомо, намеренно неправильном грамматическом употреблении слов в предложении, то есть это стилистическая ошибка, сознательно допущенная автором с целью придания большей характерности речи того или иного персонажа: *«**Это, чтоб это могло быть-с, так, напротив, совсем никогда-с. Вот теперь этого нашего с вами разговору никто не слышит, кроме самого этого провидения-с, а если бы вы сообщили прокурору и Николаю Парфеновичу, так тем самым могли бы меня вконец защитить-с: ибо что за злодей за такой, коли заранее столь простодушен?»*** [8]. По своей природе анаколуф носит выделительный характер на фоне грамматически правильной речи. Поэтому, по сравнению с другими героями романа, Смердяков заметно выделяется за счет своего говора, а в частности нарушенных норм языка. Зачастую, такой прием используется с целью комического или даже сатирического эффекта, как, впрочем, и в данном фрагменте.

Таким образом, множественное использование стилистических фигур речи способствует достижению авторского замысла, приданию тексту большей выразительности и усиления, выражению чувств и эмоций в максимально возможной степени; также благодаря синтаксическим средствам выразительности язык художественного произведения становится «живым».

Проведя анализ художественных текстов, мы пришли к выводу о том, что в произведениях автора большее внимание уделяется таким синтаксическим фигурам речи как повторы разного типа. На страницах произведений были отмечены использования анафоры, амплификации, собственно лексического повтора, а также синтаксического параллелизма. С меньшей периодичностью автор использовал приемы инверсии, эллипсиса, многосоюзия и бессоюзия, градации. Редкими случаями в творчестве Ф. М. Достоевского можно считать употребление анаколуфа и плеоназма.

Такие вставки в произведение данных фигур являются значимыми для всего повествования в целом. Они представляют собой универсальные языковые средства, которые свойственны, в большей степени, поэзии, чем прозе. В ходе работы мы пришли к выводу о том, что в тексте они могут выполнять функции усиления выразительности, передавать значение длительности, последовательности, монотонности действий, создавать разные эффекты. Помимо этого, такие фигуры могут являться средством уточнения сказанного; выступать как стилизующий компонент, в качестве речевой характеристики персонажа или выполнять ритмообразующую функцию.

Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : учеб. для студентов вузов / Н. С. Валгина. – Москва : Высшая школа, 2003. – 415 с. – ISBN 5-06-004540-4. – Текст : непосредственный.

2. Горшков, А. И. Лекции по русской стилистике / А. И. Горшков. – Москва : Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2000. – 268 с. – ISBN 5-7060-0041-7. – Текст : непосредственный.

3. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – Текст : электронный // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – URL: <http://ilibrary.ru/text/1199/index.html> (дата обращения: 30.09.22).

4. Кожина, М. Н. К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь : Перм. ун-т, 1968. – 252 с. – Текст : непосредственный.

5. Остринская, Н. Н. Синтаксические особенности экспрессивных средств художественного текста / Н. Н. Остринская. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 7. – С. 76–80.

6. Пелевина, Н. Ф. Стилистический анализ художественного текста : учебное пособие / Н. Ф. Пелевина. – Ленинград : Просвещение : Ленинградское отделение, 1980. – 271 с. – Текст : непосредственный.

7. Розенталь, Д. Э. Занимательная стилистика / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб. – Москва : Книга по Требованию, 2013. – 207 с. – ISBN 5-09-000855-8. – Текст : непосредственный.

8. Сосновская, В. Б. Поэтика современной англоязычной прозы / В. Б. Сосновская. – Краснодар : Кубанский государственный ун-т, 1997. – 130 с. – Текст : непосредственный.

Оригинальность 87%